

Хляби от лексикографов с подачи лириков

Что такое *хляби*, что значит сие слово? Если, глядя в окно, кто-то скажет: разверзлись хляби небесные! – смысл нам понятен: на улице сильный дождь. Объяснять слова по-отдельности вроде и нет необходимости: *разверзлись* значит *раскрылись*, а *хляби* – это... Я спросил и от разных людей получил разные ответы: это что-то мокрое, хлюпает; вроде как болото, трясина. Или: это облака; нет, это про водопад. Или: это о Всемирном потопе, из Ветхого завета. Начитанный человек привёл словарное объяснение: *хлябь* значит *бездна*. Любители поэзии обращаются к Евгению Баратынскому, к его стихотворению «Буря»:

Завыла буря; хлябь морская
Клокочет и ревёт, и чёрные валы
Идут, до неба восставая...

Следует объяснение: *хлябь* – это *пучина*. В целом, *морскую хлябь* можно понимать как *море*; то есть морская стихия разыгралась. Лирику я тоже люблю, но не считаю её уместной при объяснении малоизвестных слов. Не хочу ли я привлечь алгебру для проверки гармонии, как это сделал пушкинский Сальери? Арифметическая точность в языкознании невозможна, но вдумываться в то, что говорится и пишется, осмысливать напечатанное – очень даже желательно. Исходя из поэзии, *хляби небесные* – это *небесные пучины*, они разверзлись? Не согласен: *пучина* применима к морю – к жидкой среде, в которой гибнут или покоятся утонувшие корабли. Что касается неба, оно в представлении древних иудеев было твёрдым куполом. Напомню: «И создал

Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом» (Бытия 1:7-8). На *тверди небесной* – ни пучин, ни бездн. Под *твердью* – воды рек, морей и океанов, над ней – дождевая вода, она-то и потекла на землю, когда открылись некие *хляби*.

Не хочу показаться всезнайкой, который иронически выслушивает догадки. Началось с того, что я спросил у самого себя: *хляби*, слово редкое, слово старославянское или, может быть, церковнославянское, должно иметь одно значение и однозначное объяснение, а у всех при упоминании *хлябей* рисуются разные образы – от разверзающихся облаков до морских пучин и хлюпающих болот.

Заглянем в словарь С.И. Ожегова, где короткие объяснения; в том числе и по нашему вопросу: *хлябь* (во множественном числе *хляби*) имеет значение *бездна, глубина*. Приводятся два примера: «*Хляби морские. Хляби небесные разверзлись* (о сильном дожде)».

Мне опять рассказывают про море, а я ищу ответ про небо. Глубина – у любого водоёма, но языковед Ожегов ограничился *хлябями морскими*. Под влиянием поэта Баратынского? Сейчас широко используется «Новый словарь русского языка», составленный Т.Ф. Ефремовой, и меня смущает, что в нём куда больше значений:

«*Хляби* 1. *ж. разг.-сниж.* 1) непогода с дождём и слякотью. 2) жидкая грязь, топь. 2. *ж. устар.* 1) а) бездна. б) водная глубина. 2) потоки бурлящей воды; стремнина».

Видите: опять *бездна*, опять *водная глубина*. Всё прочее, к ним добавленное, тоже про мокроту: *непогода, жидкая грязь, потоки*. Они под разными цифрами, так что идёт речь о разных значениях. А я-то думал, что значение одно!

Заменим *хляби* в библейском речении на какое-либо из предложенных толкований. Разверзлась *непогода, потоки бурлящей воды*? Из перечисленного разверзнуться может разве что *бездна*... *Жидкая грязь и топь* – стоячие, а *стремнина*, как я понимаю, – бурное течение воды в узком месте. И первое, и второе – одинаково *хляби*?

В числе расхожих сегодня и «Современный толковый словарь русского языка». Составлен он *той же Ефремовой*, но почему-то по поводу *хлябей*... Теперь по поводу *хляби* (в единственном числе) даются не совсем те же объяснения (и с другим набором циферок и буковок):

«*Хлябь* I *ж. местн.* 1. Непогода с дождём и слякотью. 2. Жидкая грязь, топь. II *ж. местн.* Место бурного и стремительного течения в реке, в потоке; стремнина I. III *ж. устар.* 1. Крутой скалистый обрыв; стремнина II 1. 2. Бездна, пропасть; стремнина II 2».

Смотрите, сюда ещё и крутые скалы приплетены... Простите, добавлены. С первого прочтения мне не вполне удалось вникнуть в суть и смысл. В глазах пестрит и от обилия цифр: и римские здесь, и арабские! Нас ещё отсылают смотреть дополнительно значения *стремнины*, тоже под разными цифрами. *Водную глубину*, правда, выбросили. Но вставили *пропасть*. Речная стремнина – тоже *хлябь*, но с оговоркой, что это местное употребление: значит, не по всей России *бурное и стремительное течение*, как и *непогоду с дождём*, называют *хлябью*. *Бездна* и *стремнина* числятся по какой-то причине в устаревших значениях... Явная новизна в том, что среди всего хлюпающего и текущего – *крутой скалистый обрыв*. Среди мокрых, так сказать, хлябей – хлябь твёрдая и сухая! Из прочитанного можно сделать вывод, что *хлябь* – не редкое библейское, а расхожее слово на многие случаи.

Мне вспомнилось одно стихотворение... Повторю: по большому счёту, не следует давать словарные определения, основываясь на художественной литературе. Сочинители, особенно поэты, всячески играют с языком, всячески выкручивают его – добываясь оригинального индивидуального стиля! – но чуть ли не все составители словарей подкрепляют свои толкования именно стихотворными строками, с удовольствием и как-то *профессионально* ссылаются на Пушкина, цитируют Лермонтова, Баратынского или кого помельче. И получается, что нам не смысл того или иного слова объясняют, нам пытаются растолковать в каком значении его следует понимать в употреблении того или иного стихотворца.

Мне зачитали Баратынского про море, а я вспомнил – в помощь своим рассуждениям – Вячеслава Иванова про зимнюю бурю:

Всё смешилось в тусклой хляби —
Твердь и зыби вьюжные.
Кто вас губит, кто вас грабит,
Вертограды южные?

В стихах – *пленительная сладость*, они завораживают, мы на слух всё принимаем и как будто понимаем. А если взяться за придирчивый разбор, тогда сильно озадачишься: что такое *тусклая хлябь*, в которой смешались каким-то образом *твердь* и *вьюжные зыби*? Обратившись к словарям, хотя бы к уже названному, мы не обнаружим в них подходящего объяснения для *тусклой хляби*. Это и не *бездна*, и не *глубина*, и явно не *жидкая грязь*. Говорится о непогоде, но в *словаре Ефремовой утверждается, что хлябь – непогода с дождём и слякотью, а здесь – с ветром и снегом.*

Давайте, *изоцри*в ум, сообразим, что же имел в виду Вячеслав Иванов, и вставим дополнительное толкование в словарную статью – под ещё одной цифрой, римской или арабской. Потом, встретив у Велимира Хлебникова *пламенные хляби*, снова обогатим словарь: после *вячеславо-ивановского* значения припишем *велимиро-хлебниковское*.

Преграда? А, может, окна?
Нет, всё-таки жидкая грязь!

Я иронизирую? Нет, я недоумеваю. В «Словаре Академии Российской», в первом издании, которое выходило в 1789–1794 годах, существительное женского рода *хлябь* объяснялось всего двумя словами, а нынче – сколько словес наворочано! Куда им до нас, академикам давно минувшего екатерининского века, не имевшим понятия о фонемах, лексемах... Для составителей означенного словаря *хлябь* была *преградой*. Откуда взялись *новые* значения – и *непогода*, и *бездна*, и *грязь*? Отчасти оттуда – из художественной литературы: прозаики и поэты, *тоской* и *рифмами томимые*, прилагали усилия, чтобы с помощью красочных метафор нарушить нормальный язык, а лексикографы переносили и переносят авторские неправильности в толковые словари, придавая им статус языковой нормы.

Да, *хлябь* толковалась как *преграда*. А потом кто-то из сочинителей, вроде К. Н. Батюшкова, красиво, но неправильно выразился, назвав

хлябями водные то ли просторы, то ли глубины. По Библии, когда *отверзлись небесные хляби*, на земле началось наводнение, и слово *хляби* перенеслось в сознании стихотворца, который *живёт поэзией и бредит рифмами*, на воды Всемирного потопа, а заодно и на водное наполнение морей и рек. Может быть, и до Батюшкова кто-то *переносно* называл водоёмы *хлябями*, но в словарях мы видим сегодня пример именно из названного пиита, который, живописуя в 1814 году развалины замка в Швеции, использовал *хляби* по отношению к воде:

Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит
На хляби и берега безмолвны.

Батюшков обмолвился, за ним обмолвился или повторил чью-то обмолвку Баратынский – в 1824 году, в уже упомянутой «Буре»: *хлябь морская клокочет и ревет*. Благодаря их лирике появились и до наших дней повторяются в словарях *хляби морские*. А толкование *водные глубины*, которое мы находим в «Большом энциклопедическом словаре» и в «Большой советской энциклопедии», основано вовсе не на энциклопедических знаниях, а опять же на художественных высказываниях, вроде тех, которые у А. А. Фета в следующих строках:

Малютка, хоть твоя б одна
Ладья спастись успела,
Пока всей хляби глубина,
Чернея, не вскипела.

А уж если А. С. Пушкин *обмолвился*, то, само собой, его неточные высказывания переносились усердными лексикографами в толковые словари в виде показательных примеров. Хорошо, что географы не учат свой предмет по Пушкину или Гоголю! Прочитав в стихотворении «Кавказ» заявление *Кавказ подо мною*, можно сделать вывод, что Пушкин взобрался не иначе как на Эльбрус, самую высокую кавказскую вершину, у подножия которой *мчится* Арагва и тут же рядом *играет* Терек. Приняв к сведению гоголевское *редкая птица долетит до середины Днепра*, на географических картах стали бы изображать Днепр неимоверно широким; птицы летят часами без посадки, они океан способны преодолеть, а указанная река, по Гоголю, представляет для них непреодолимое препятствие. И физики с химиками, приняв за аксиому пушкинское *лёд и пламень не столь различны меж собой*, заговорят о молекулярном сходстве, если не идентичности, замёрзшей воды и огня...

В 1794 году наши первые официальные любители русской словесности в своём академическом словаре обошлись двумя словами для определения *хляби*: *преграда, оплот*. С единственным примером употребления, взятым из Библии: *И хляби небесныя отверзошася*. Филологи советской эпохи, знавшие Библию в общих чертах, в виде крылатых выражений и сказочных историй вроде Всемирного потопа, толковали *хлябь* по переносному или просто неправильному употреблению этого слова разными сочинителями, часть которых мы уже назвали. Следующее гнездо – словарное, не птичье! – взято из современного «Малого академического словаря»:

«*Хлябь*, -и, ж. (мн. в том же знач. *хляби*, -ей). 1. Устар. Неизмеримая глубина моря или неба; бездна. *Завыла буря; хлябь морская Клокочет и ревет* <...>. Баратынский, «Буря». Малютка, хоть твоя б одна Ладья

спастись успела, Пока всей хляби глубина, Чернея, не вскипела. Фет, «Барашков буря шлёт своих». 2. Разг. Жидкая грязь. – Три часа по грязи туда да три обратно. Машины-то через эту хлябь не проходят, – добавила Ольга Петровна. Б. Полевой, «В тумане». Машины, по радиатор ныряя в хляби, ринулись по дороге. Леонов, «Взятие Великошумска». ◊ *Разверзлись хляби небесные* (шутл.) – о непогоде с проливным дождём и слякотью».

А *преграда*, *оплот* из «Словаря Академии Российской», они где? Их забыли, поскольку сам «Словарь» был задвинут на дальние полки, как нечто малонаучное из *времён Очаковских и покоренья Крыма*. Вместо *преграды* и *оплота* (в смысле *забора*, *ограды*) утвердилась в словарях поэтическая *неизмеримая глубина* – в том числе по отношению к небу, ведь стало смешным воспринимать его как *твёрдь*. Представители марксистского языкознания, узрев в литературе социалистического реализма *хлябь* в значении *жидкая грязь*, поспешили закрепить её в словарях.

Советские машины *ныряли в хляби*; если так *ведущие* литераторы выражались, то чего ждать от журнально-газетных подмастерьев? В словесном самовыражении быкам позволено то, что позволено Юпитерам, и – *пошла писать губерния*; в публицистике советского периода можно встретить какую угодно *хлябь*: болотную, чернозёмную, весеннюю, осеннюю, дорожную, снежную, тусклую, хмурую, зловонную, вязкую, непролазную, невылазную...

Разверзлись хляби небесные подаётся как шутливое высказывание о сильном дожде... Почему, собственно, все упорно повторяют *разверзлись*? В церковнославянской Библии было *отверзлись*: «Хляби небесныя отверзѡшася».

Под сильным давлением современных лингвистов можно и засомневаться: а что как в восемнадцатом веке княгиня Дашкова и её *академики* неправильно про *хлябь* объясняли? Какая-то *преграда* у них, какой-то *оплот*. Сомнения усиливаются, если заглянуть в лютеранскую Библию, где в рассказе о том самом *Всемирном потопе* по-немецки написано: «**Und taten sich auf die Fenster des Himmels**» (1 Mose 7:11). Нашему *отверзлись небесные хляби* соответствует *небесные окна* (die Fenster des Himmels) *отворились*. В одном из многочисленных переводов Ветхого завета на английский язык говорится, что *шлюзы* открылись в небе: «The floodgates of the sky were opened» (Genesis 7:11). Может, эти немцы и англичане, эти *папешники*, *лютеры да кальвины* (как сказано уничтожительно у Кирши Данилова) тоже напутали или переврали, неправильно Ветхий завет перекладывая с древнееврейского? Какие же окна, какие ещё шлюзы, в наших словарях ведь чётко объясняется: *бездна*, *глубина*, *слякоть*. *Жидкая грязь*, опять же. Да, и *стремнина* – как водная, так и скалистая.

Хляби – не стремнины! И не реки.

И не единственные преграды...

Запутавшись, дадим себе отдохновение; полюбуемся видами дикой природы, как их запечатлел в 1751 году М. В. Ломоносов:

Там горы, хляби там, бугры, стремнины, реки,
Препятствия везде, неслыханны во веки...

Отдыха не вышло, наши мысли снова закипели, ибо нам встретились *хляби* и *стремнины* – два разных слова с разными значениями. А в наше время их свели в одну словарную статью. *Хляби* здесь не стремнины. И не реки. Неужели моря? Или болота? Объяснение следует искать, видимо, в первом академическом словаре. Он не при жизни Ломоносова составлен и напечатан, но в нём изобилуют цитаты именно из ломоносовских виршей – как образцы правильного русского языка. Тогда *хляби* будут некими преградами или оплотами (заборами). Во второй строчке, однако, о преградах отдельно сказано *препятствия везде*. То есть *хлябь* – одна из преград, наравне с горами, буграми, реками... Но значение у неё своё. Его не объяснил нам пока ни один словарь.

Расхлябанность на базе хляби со сжатием до хлябы

В семидесятых годах прошлого века вышло пособие для учителей с названием «В мире слов» – где множество статей о разных словах и выражениях. Автор, Н. М. Шанский, доктор филологических наук, профессор Московского университета, действительный член Академии педагогических наук, считался светилом российской лингвистики: он специалист и по лексике, и по фразеологии... Указанное пособие не так давно переиздали под названием «Лингвистические детективы»: отдавая дань новым рыночным временам, надо прямо с обложки завлекать читателей чем-то мистическим, сакральным или детективным. Для нас главное, что статья Шанского о *хлябях* одинакова в обоих изданиях.

И чем *толочь воду* и *месить жидкую грязь*, я приведу авторитетное мнение, полагая, что всё насчёт хлябей сейчас прояснится.

«В качестве самостоятельной лексической единицы слово *хлябь* практически в нашей речи отсутствует. Оно живёт лишь как часть целой словесной семьи, и только в ней. Вспомним шутовское выражение *разверзлись хляби небесные* (пошёл сильный, проливной дождь). Мы видим, что в названном фразеологическом сращении архаично не только существительное *хлябь*, но и глагол *разверзлись*. Хорошо знакомо лишь прилагательное *небесный*. С чем же небесным и что же сделалось? Начнём с последнего. О глаголе *разверзлись* нельзя не упомянуть, если говорится об этимологии существительного *отверстие*. *Разверзлись* может значить *раскрылись*, *развязались*, *расшатались*, *ослабли*»...

Прямо-таки в словесный водоворот нас закрутило! По Шанскому, слово *хлябь* само по себе *практически отсутствует*. Но в тех словарных статьях, которые я привёл выше, составители описывают его широкое употребление, приводя по несколько значений под разными цифрами, с разными пометами и с примерами из художественной литературы.

Какую *словесную семью* имеет в виду автор? Почему он твердит *разверзлись*? В объяснениях подобного рода существительные приводятся в именительном падеже и единственном числе, глаголы должны быть в неопределённой форме, но Шанский как будто уклоняется от того, чтобы её назвать. Я цепляюсь? Нет, если разбираться, то давайте следовать правилам. Заявлено, что *разверзлись* – глагол архаичный, поэтому

не очевидно, что неопределённой формой будет *разверзаться*. Потом, у меня имеются сомнения, что *разверзлись* можно понимать как *развязались*, *расшатались* и особенно *ослабли*.

В «Словаре Академии Российской», в первой его редакции, не так-то просто найти неопределённую форму глагола, поскольку слова располагались не в алфавитном порядке, а по *гнездовому* принципу. Оказалось, следует исходить из *верзнути* – с ударением на первом слоге и со значением *бросать, кидать, метать*. В большом словарном гнезде мы находим и *извергати*, и *изверг...* Здесь же глагол *отверзати* «открывать, растворять то, что было затворено, закрыто»; приводится пример – смотрите, прямо-таки на нашу тему: «Двери небесе отверзе». Запомним, нам это пригодится: в 77 псалме сказано, что Иегова *открыл двери неба*.

Находим *разверзати* со значениями: *растворять, раздвигать, делать отверстие между тем, что было сомкнуто*. Любопытно: делать *отверстие* между тем, что было сомкнуто... Нет, вопреки утверждению Шанского, *развязались, расшатались* и *ослабли* не являются синонимами для *разверзлись*. Похоже, автор привёл их как бы *до кучи*. Чем больше слов, тем солиднее выглядит твой доклад. И тем труднее слушателям определить, есть ли в нём смысл...

Читаем дальше *детективную* историю про *хляби*:

«Чтобы понять, какое значение было первоначально у оборота *разверзлись хляби небесные*, нам осталось узнать, что значит слово *хлябь*. Это существительное имеет значение *простор, пустота, глубь; бездна, пропасть*. Таким образом, буквальный перевод выражения *разверзлись хляби небесные* даёт нам *открылись небесные просторы* (или *бездны* и т. д.). Тем самым становится яснее и оправданнее современное значение оборота, которое является как бы следствием исходной семантики. И всё же история нынешнего значения *пошёл сильный, проливной дождь* «разверзается» перед нами полностью лишь тогда, когда мы привлекаем тот контекст, из которого выражение *разверзлись хляби небесные* явилось на свет.

А извлечено оно было из библейского рассказа о Всемирном потопе: «Разверзошася вси источники бездны, и хляби небесные отверзошася. <...> Н. С. и М. Г. Ашукины (Крылатые слова. М., 1966) по традиции передают этот отрывок таким образом: «Разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились <...>. Однако, как можно заключить, имея в виду уже изложенное, такой перевод неточен. Ни *великой бездны*, ни *небесных окон* здесь нет, а слово *разверзошася* требует перевода *раскрылись*».

Подождите, снова перечитаю... Ашукины, составители «Крылатых слов», точно процитировали Синодальный перевод, а не передали *по традиции* церковнославянский текст современным языком, но Шанский после путаных словесных наворотов, делая заключения из чего-то, им изложенного, вдруг чётко высказался: ни *великой бездны*, ни *небесных окон* здесь нет!

Статья на этом не заканчивается, Шанский *попутно* рассуждает о глаголе *расхлябаться*, который, как он уверен, *сконденсировался* из выражения *разверзлись хляби: гайки расхлябались, сапог расхлябался*; он упоминает существительное *расхлябанность* (*недисциплинированность* – от *расхлябанный*)... Скорее всего, учителя, которым адресована в качестве *пособия* книжка «В мире слов», не поняли, что во что *сконденсировалось* и *ужалось*, но они будут

скромно молчать, огорошенные подлинно *филологическими* фразами про исходную семантику, лексические единицы и фразеологические сращения.

Остаётся узнать, что значит слово *хлябь*. Ах да, автор в своём многословии... у меня чуть не сорвалось из-под пера: в куче словесного мусора... Он-таки произнёс, что *хлябь* надо понимать как *простор, пустота, глубь, бездна, пропасть*. Какой широкий разброс! Нечто и вширь, и вглубь, и бездна, и одновременно пустота... Это *исходная семантика*? А *небесные окна* и *великая бездна* – это как бы её следствие Или наоборот?

Хляби подземные, палящие и смертные

Я бросил камнем в поэтов, обвиняя их в ненормативной лексике... Простите, в отступлениях от *нормативного языка*, но сейчас чувствую, что мне не обойтись без поэта Ломоносова. В его время, в 1751 году, была напечатана Елизаветинская Библия, откуда взяты *хляби небесные*, и Михаил Васильевич, современник, должен был чувствовать, что за сим кроется!

Напомню, Ломоносов пишет: *Там горы, хляби там, бугры, стремнины, реки...* Хляби противопоставлены горам, это впадины, ущелья, это провалы в земле. В его трагедии «Тамира и Селим» странник, убегающий от зверя, оказывается на краю стремнины, то есть над крутым склоном:

Но, вдруг увидев, что тут стрёмнина крутая
И должно в мрачну хлябь стремглав упасть с горы,
Оцепенев стоит...

Страннику грозит падение в *мрачную хлябь*, то есть в расселину, провал. Обратите внимание, что *стремнина* здесь твёрдая, каменная. А *хлябь* никак не связана с водой, это яма, отверстие в земле. Тогда *хляби небесные* – отверстия в небе? Да, лучше сказать – в *тверди небесной*. Дабы моё напористое напоминание о *тверди* прозвучало чётче и убедительнее, повторю про сотворение неба из Ветхого Завета, где в трёх строчках *твердь* звучит четыре раза. Я беру текст на латыни просто потому, что латиницу легче воспроизвести, нежели подлинную кириллицу из Елизаветинской Библии. Латинское *firmamentum* (твердь) образовано от *firmus* (крепкий, прочный); все учили английский и сразу увидят сходство с прилагательным *firm*. Слово *deus* значит *бог*, *aqua* – это *вода*.

Итак, Книга Бытия, глава 1 стихи 7–8: «Et fecit deus *firmamentum* divisitque aquas quae erant sub *firmamento* ab his quae erant super *firmamentum*. Et factum est ita. Vocavitque deus *firmamentum* caelum».

После многословия, выше прозвучавшего, после неверных, неточных и отдалённо-приблизительных толкований хочется как-то резче определить значение *хлябей*, поэтому позволю себе выразиться грубовато: это *дыры*. Сродни дырам на земной поверхности – провалам, ямам, пещерам, дырам в строениях, где оконные и дверные проёмы, отдушины, продушины, дымоходы...

В 1739 году в оде, посвящённой победе над турками и татарами, Ломоносов пишет:

За хólмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи – равен путь...

Не возникает вопросов по поводу *орлов* – это русские солдаты, и для них не существует препон, то бишь преград. Под *Стамбулом* следует понимать Османскую империю, от Стамбула автор требует: *заграбь*, то есть заberi, *своих* (своих солдат, людей, войска), отведи их за Тигр, за ту реку, что своим быстрым течением *сдирает*, смывает камни с берегов.

Я не вижу здесь великой поэзии, но нам важны грамматика и смысл. Туркам советуют уйти за Тигр и – за некие холмы, где *паляща хлябь* изрыгает дым, пепел... Это о вулкане. *Паляща хлябь* – жерло вулкана. Дыра в кратере, из которой вырывается огонь и течёт лава.

В большом стихотворении о великой пользе стекла Ломоносов использует *хлябь* в значении *ход, проход, канал*. Главный герой здесь – (подземный) Огонь:

Во мрачной глубине, под тягостью земною,
Где вечно он живет и борется с водою,
Все силы собрал вдруг и хляби затворил,
В которы Океан на брань к нему входил.
Напрягся мышцами и рамена подвинул
И тяготу земли превыше облак вскинул...

Если в библейской истории о потопе *хляби отворились*, то здесь Огонь, собрав силы, их *затворил*: он закрыл подземные ходы, проходы, отверстия, через которые *входил на брань Океан*, то есть попросту вода проникала по разным дырам и огонь заливала, тушила. Таким образом прекратилась борьба с водой, и, напрягшись мышцами и двинув плечами (раменами), Огонь выбросил наружу расплавленную подземную породу – произошло извержение вулкана.

Разве не убедительно? – с *хлябями* в значении *ходы*. Ходы, кои можно отворять и затворять.

Но, боюсь, я не всех или мало кого убедил. Ломоносов, знаете ли, с его аллегориями, которые не сразу распутаешь, с его тяжеловесными виршами и старинными словами, смысл которых то ли так следует понимать, то ли не так... Может, здесь у Ломоносова *хляби* как раз и есть *бездны, глубины* или, может, подземные *стремнины*? Тем более, что в первом «Словаре Академии Российской», где, как вы говорите, Ломоносова часто цитируют, почему-то не объяснили *хлябь* как *ход, отверстие*, как *дыра*, по вашему выражению! Там написано: *преграда*.

Жерло, ставшее оплотом

Делая в 1806–1822 годах второе издание академического словаря, составители переработали и расширили статью со словом *хлябь*. Они сохранили первое толкование: *преграда, оплот*. А к библейской цитате *хляби небесныя отверзошася* добавили показательный пример... Из М.В. Ломоносова! Какой же? Который мы только что разбирали:

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает. Л. М.

Как, исходя из этого, понимать *палящу хлябь*? Судя по всему, как некую *преграду*. Которая дым с пеплом изрыгает. Мы же установили, что это *жерло* вулкана. Или не установили?

Кроме этого, *хлябь* получила ещё одно толкование. Оно приводится со звёздочкой, которая указывает на *переносный* смысл. С цитатой из того же Ломоносова:

« 2.* То же, что бездна. *Таков был сей Апроний, который не токмо житием, но и телом и лицом показывает, что он неизмеримое есть жерло и хлябь всех пороков и скверностей*. Лом: Ритор: кн. I, гл. 4».

Составители второго издания привели ломоносовское четверостишие ни к селу ни к городу, они ввели в оборот толкование *бездна*, которое стали переписывать в свои труды последующие языковеды... Например, протоиерей Г.М. Дьяченко, составляя «Полный церковнославянский словарь», должен был объяснить, что *хлябь* значит *окно*, но вместо этого он, *ничтоже сумняшеся*, списал определения из второго издания академического словаря: «*Хлябь* (καταρρ□κτης) преграда, оплот; *хляби* – бездны».

Похоже, что... не решаюсь выговорить: протоиерей Дьяченко не читал Синодальный перевод?

Окна небесные! Они же отверстия

«Полный церковнославянский словарь» был напечатан в 1900 году. К тому времени утвердился Синодальный перевод, изданный двадцатью четырьмя годами ранее. В коем вместо церковнославянского *хляби небесные* на простом русском языке написано *небесные окна*: «В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились».

Я, наверно, зря ходил кругами и подводил исподволь? Нужно было с самого начала зачитать означенный стих и не мусолить про *глубину, пучины и просторы*, не ковыряться в *жидкой грязи*, которую натащили в русский язык упомянутые выше языковеды с подачи разного рода сочинителей. По приведённой цитате разумный человек видит, что и толкование *бездна* применительно к *хлябям* неуместно: *бездна* присутствует в первой половине зачитанного библейского речения. И у неё своё значение: *великая бездна* – это без-

донная водная пучина, это скопление всех земных вод. Вода хлынула разом из земных источников, и наводнение усилилось за счёт воды, которая потекла сверху через проёмы, через окна, открывшиеся в небесной тверди.

Почему всё-таки окна, а не шлюзы?

Как я сказал, в некоторых английских переводах Ветхого завета *шлюз* соответствуют *floodgates*, то есть *шлюзы*: «The floodgates of the sky were opened». Есть *шлюзы* (Schleusen) и в немецких переводах, например, в таком варианте: «Die Schleusen des Himmels haben sich aufgetan».

Окно и шлюз – не одно и то же. Но сходство есть. Их можно открыть и закрыть, они впускают или выпускают: через окно проникает воздух и солнечный свет, через шлюз протекает вода. Почему в большинстве современных переводов отдаётся предпочтение *окнам*? Потому что *шлюз* навязывает картину с течением и падением воды, а в первоисточнике, в древнееврейской Библии, стояло слово, которое значило просто *отверстие*. Потом, шлюз – сложное гидротехническое сооружение; нет ни малейшего намёка на то, что при сотворении мира Иегова смонтировал на *тверди небесной* некие приспособления.

Мы обратили внимание, что в 77 псалме эти проёмы в небесной тверди названы дверями: «Двери небесе отверзе». По Книге Еноха, в небесном своде открываются *ворота* (gates), через них **выходят и уходят солнце и луна**: «The gates whence the sun goes forth, and the gates where the sun sets; in which gates also the moon rises and sets» (Enoch 71:3–4). Через подобные врата появляются звёзды, ветры, град, роса, холод и дождь. Эти отверзающиеся проёмы нельзя именовать шлюзами.

Как ни странно, *преграда* и *оплот* в «Словаре Академии Российской» не являются показателем полного невежества: толкователи исходили из того, что в небе имелось нечто, преграждавшее путь воде. Если бы вместо *преграда* они написали *заслонка*, *затвор*, *здвижка*, было бы понятнее, вы не находите? Открылись заслонки (для выпуска воды).

Теперь откроем «Словарь церковнославянского и русского языка», вышедший в 1847 году. Он был составлен фактически той же Академией Российской, только в 1841 году её присоединили к Императорской Академии наук – в качестве Второго отделения. На этот раз все слова расположили по алфавиту, объяснения стали короче и чётче... В работе над новым словарём участвовали филологи – например, академик А.Х. Востоков, *знаток церковнославянского и русского языка*. Правда и то, что А.С. Шишков, возглавивший Академию в 1813 году и занимавший президентское кресло до самой смерти в 1841 году, имел более чем удивительные *лингвистические* взгляды: например, он считал слова *буйство*, *букашка*, *азбука* родственными – ибо в каждом присутствует буква *у*, которая выражает *чувствование страха или ужаса*. Адмирал Шишков объявил русский язык прародителем всех мировых наречий: «Древо жизни на земле и отец наречий иных»; не делая различия между церковнославянским и собственно русским языком, он провёл в академии некоторых священнослужителей, разделявших его воззрения, – он *набил академию попами*, как съязвил Пушкин. Присутствие *попов*, как ни странно, сегодня помогает исследователю устаревших и малопонятных слов: те, кто работал под началом Шишкова, с

особым рвением относились к сохранению и толкованию таких речений, как *хляби небесные*.

В «Словаре церковнославянского и русского языка» мы быстро находим предмет наших сегодняшних долгих разысканий – с коротким объяснением: *хлябь* значит *отверстие*. Ему сопутствует, естественно, пример из церковнославянской Библии: *Хляби небесныя отверзошася*. И всё? Как же так... А мы чуть было не приняли окончательно *бездну*, мы почти смирились с *жидкой грязью*.

Ответы не на все вопросы

Почему богослов Дьяченко переписал в свой словарь определения *преграда*, *оплот* и *бездна*, как будто не ведая об *окнах* из русского перевода 1876 года? Не знаю. Почему лингвисты советских времён остановили свой выбор на *пучине*, *глубине* и что там ещё мы читали, добавив к ним *стремнину* и *жидкую грязь*? Отчасти, как я сказал, потому что *нарушилась связь времён*, новые поколения лингвистов зубрили *марксистское языкознание* усерднее, чем старославянский язык, почти не касаясь *антинаучных* библейских текстов. Судя по приведённым словарным толкованиям, они, скорее всего, вместо библейского слова *хлябь* объясняют какое-то местное или простонародное словечко, возможно, *хлябу*, упомянутую академиком Шанским, ту *хлябу*, которая, по его мнению, *сконденсировалась* из глагола *хлябать*.

Самый трудный вопрос: где корни той *хляби*, которая в церковнославянской Библии? В своих работах по славистике Франц Миклошич (писавший на немецком) утверждал, что сначала была форма *chlembi* (хлемби), потом *-et-* дало носовой звук *е*, который в слове *хлябь* передавали не буквой *я*, как сейчас, а *малым юсом*. Миклошич объяснял *хлябь* с помощью древнегреческого *θύρα* и латинского *fores*. И то, и другое значит *дверь*. Или *ворота*. Есть у него, правда, и толкование *плотина*. Что перекликается с объяснением *преграда*.

Ненужные советы постороннего библеистам

Я намеренно говорил *дыры*, дабы резко опровергнуть вычитанные в словарях толкования, голову нам забившие. *Отверстия* не так грубо звучат. Но в Библии, согласен, красивее писать об окнах. Подразумевая, что это отверстия, проёмы... Любопытно, что используется на месте *хлябей небесных* в переводах Библии на другие славянские языки? Болгары пишут: «Небесните отвори се разкриха»; *отвор* значит *отверстие*, *дыра*. В чешской Библии схожее *otvor* (отверстие). По-сербски: «Отворише се уставе небеске»; существительное *устава* (в единственном числе) – шлюз, затвор. В словацком *nebeské priepusty* существительное *priepusty* значит *затворы*, *выпускные каналы*.

Это современные Библии, в них не обнаруживается ничего, даже отдалённо похожего на *хлябь*. Кстати, Миклошич, известный своими работами по сравнительной славистике, описывал *хлябь* только в русском, малороссийском и белорусском употреблении. Возьмём какое-нибудь старинное издание, например, Кралицкую Библию, напечатанную в конце XVI века; в описании Всемирного потопа читаем: «a grůduchové

небёшти otevřiny jsou». Что-то *небесное отверзлось*. Что именно? Старо-чешскому *průduchové* можно найти соответствие в современном русском языке: строительный термин *прóдух*, это небольшое отверстие в цоколе для вентиляции. В украинском словаре Б. Д.Гринченко приводится *продухвина* с переводом *продушина*.

Мне кажется, что именно это слово можно использовать вместо *хлябей*, когда Библию будут ещё раз переводить на современный русский язык: *продушины небесные*. Вам не кажется, что это лучше *окон* в Синодальном переводе?

Что вы говорите? А, новый перевод уже имеется... Пока я *ковырялся* с отдельными словами, долго разбираясь с трудностями вроде *хлябей небесных*, более работоспособные люди сделали перевод всей Библии – новый, полный, современный! Очень интересно, как они решили вопрос с *хлябями*, – учитывая, конечно, и предыдущие русские переводы, и многочисленные английские... Что же там у них на тверди небесной открывается?

Читаем слова Бога в первой главе: «Да будет нечто, разделяющее воду посередине! И сотворил Бог воздух и разделил воду посередине. Часть вод была над воздухом, а часть – под воздухом. Бог назвал воздух небом». *Твердь стала воздухом? А нечто*, это... а, это тоже вместо *тверди*. По каким словарям они переводили с древнееврейского или древнегреческого? Или они не переводили, а научно, так сказать, опровергли Библию? Виноват, я отстал от времени: на моей памяти при советском строе учёные мужи яростно опровергали, теперь же они или их коллеги, сидящие в тех же академических учреждениях, находят научные объяснения для библейских чудес, они, так сказать, *примиряют* науку и религию с оглядкой на современные политические, религиозные или какие иные требования... А мы – в политику не вмешиваемся, богословие не трогаем, не оскорбляем ничьих религиозных чувств, у нас чистая грамматика, мы вчитываемся в древний письменный памятник, вникая в смысл отдельных слов и выражений.

Интересно, а история с потопом как в новом изложении выглядит? Зачитываю: «На семнадцатый день второго месяца вскрылись все подземные ручьи. В тот же самый день небеса разверзлись, и на землю обрушились сильнейшие ливни». Вот как? Какие-то стилистические нарушения: если уж *современным* языком взялись излагать, вместо *небеса разверзлись* нужно писать *небо раскрылось*. Но стиль – дело не первое. Для такой работы, как мне представляется, привлекают филологов со знанием древнееврейского и древнегреческого, и, поскольку Библия исследована от А до Я, от альфы до омеги, от Бытия до Апокалипсиса, описана вплоть до букв и даже звуков, предполагается, что новые переводчики прояснят тёмные места и, может быть, сумеют объяснить то, что до сих пор не поддавалось объяснению. Но, как мы видим, наши новые библеисты просто выбросили и *великую бездну*, и *хляби*. Им, может, лучше пособие по природоведению сочинить, с их *ручьями* и *ливнями*? Только его не напечатают. Будет задан вопрос: каким образом у вас *воздух* удерживает над собой *часть вод*, время от времени через себя её выпускающая в виде дождя?

А для чего? В смысле, для чего затеялся и осуществился упрощённый перевод, если это можно назвать переводом, а не отредактированным пересказом? Может, действительно для того, чтобы *примирить религию и науку*? Или они поставили цель увеличить количество ве-

рующих в нашей стране? – приблизить их к Богу с помощью облегчённого перевода, доступного для граждан даже со слабыми мозгами. Но верующие верят не в Библию, а в Бога – в том виде, в котором он понимается в их стране, в их краях, а то и всего лишь в их деревне из нескольких домов.

Тяжкий труд, ставший немудрёным занятием

Жозеф Жюст Скалигер, историк и языковед, как-то выразился пусть с преувеличением, но весьма образно: если кому вынесли суровый приговор в суде, не надо изнурять его каторжными работами, пусть составляет лексиконы: «Lexica contexat» – сей тяжкий труд сродни сразу всем видам наказания.

Технические, а сегодня и электронные приспособления позволяют лепить... извините, творить курсовые и дипломные работы, диссертации, словари, переводы – *оперативно* и без особых умственных усилий. Берём что-то из одного источника, приклеиваем к нему что-нибудь из другого... В книжном магазине я взял с полки из целой батареи *лексиконов* школьный словарь иностранных слов, в коем было написано, что слово *волейбол* пришло из английского, где *volleyball* сложилось из *volley* (полёт) и *ball*, что значит мяч. Когда-то я учился на английской филологии, много всего читал, но с комбинацией *мяча* и *полёта* столкнулся впервые. Значения *полёт* у существительного *volley* нет. В правильности моих долгих рассуждений по поводу *хлябей* читатели могут усомниться, но насчёт волейбола, мне не доверяя, каждый легко проверит, обратившись хоть к карманному, хоть к самому большому английскому словарю.

Откуда составители взяли это значение? Видимо, с потолка. Или притянули за уши, высосали из пальца, домыслили: мяч летает через сетку, значит, в полёте он... Думаю, они не прилагали усилий даже на перечисленные нетрудные действия: брать, тянуть, высасывать, домысливать; они просто списали слово в слово из «Краткого этимологического словаря русского языка»: это пособие для учителей печаталось многократно на протяжении десятилетий издательством «Просвещение», в списке авторов на первом месте известный лингвист Н.М. Шанский. Уже не одно поколение учителей и школьников просвещается, читая: «Заимств. в 20-е годы XX в. из англ. яз., где *volleyball* – сложение: *volley* (полет) и *ball* (мяч)».

У некоторых *просветителей*, лучше сказать *просвещенцев*, не хватает знаний, чтобы объяснить простенькое слово *волейбол*, другие путают *глубину* с *простором*, третьи сваливают в кучу *пучины* со *стремнинами*, мешая *жидкую грязь* с *непогодой*, четвёртые не делают различия между *твердью* и *воздухом*... Стоит ли ждать от них толковых объяснений по поводу *хлябей небесных*?